

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ВАМПИЛОВА

Художник Владимир Дейкун

ЕГО ТЕАТР ВОСПИТЫВАЕТ ДУШУ

Все, что относилось к классикам — их произведения, дневники, письма, воспоминания о них, — было «золотым запасом» Александра Вампилова. Он интересовался этим не из интеллигентского любопытства, не для того, чтобы при случае блеснуть редкими знаниями. Это было его богатство, которое помогало отточить мысль, найти точное слово, в конце концов, перебить в споре, как в игре, ставку самовлюбленного невежи. Он умножал это богатство, не расставаясь со студенческими лет с любимыми книгами, посещая литературные пенаты, общаясь со знатоками отечественной и мировой словесности.

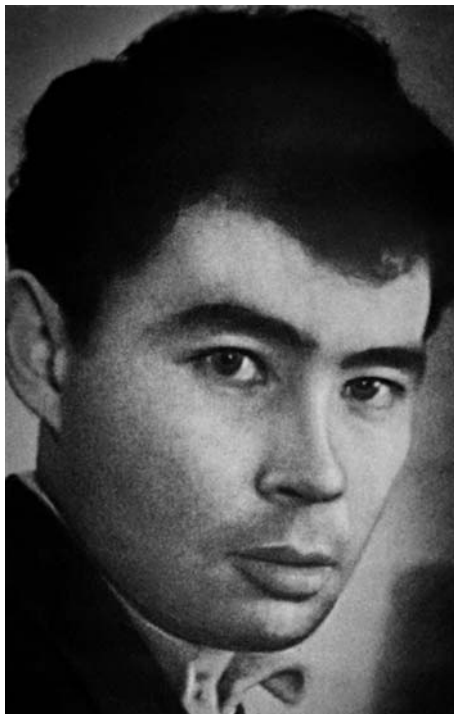
Например, появившись ненадолго в Омске, связанном с осторожным заключением Достоевского, Александр первым делом отправился туда, где бывал писатель. Местный журналист А. Лефлер писал о профессиональном любопытстве Вампилова:

«До того, как пойти ко мне, он обошел все «достоевские места» города. Был и возле комендантского особняка, и во дворе меди-

цинского училища, где много лет назад располагался сам «Мертвый дом», и возле деревянного зданьца, где была когда-то арестантская палата и где Федор Михайлович часто получал передышку благодаря доброте милейшего Ивана Ивановича Троицкого — штабс-доктора военного госпиталя...

А потом Саша говорил, что перед отъездом он прочитал «Записки из Мертвого дома». Говорил, что это замечательная, глубочайшая книга и что она не такая уж страшная, как мы привыкли считать. Много в ней и смешного. Но дело не в страхе или смехе, а в том, что она уникальна, эта книга, — своей философией, своим психологизмом, доходящим до непостижимых пределов, и тем, что она очень русская. Никакой француз, никакой немец не смог бы написать такую книгу, просиди он в каторге не четыре, а хоть сорок лет. И говорил еще Саша, что плохо у нас понимают эту книгу, мало говорят о ней, неумело толкуют».

Напомним, что Достоевский в «Записках из Мертвого дома» приводит одно рас-

Александр Вампилов

хожее утверждение, не соглашаясь с ним, споря болезненно, упрямо: «Пора бы нам перестать апатически жаловаться на среду, что она нас заела. Это, положим, правда, что она многое в нас заедает, да не все же, и часто иной хитрый и понимающий дело плут преловко прикрывает и оправдывает влиянием этой среды не одну свою слабость, а нередко и просто подлость...»

Позже в «Дневнике писателя» Достоевский продолжил эту мысль:

«Ведь этак мало-помалу придем к заключению, что и вовсе нет преступлений, а во всем «среда виновата»... Так как общество гадко устроено, то в таком обществе нельзя ужиться без протеста и без преступлений. Так как общество гадко устроено, то нельзя из него выбиться без ножа в руках. Вот ведь что говорит учение о среде, в противоположность христианству, которое, вполне признавая давление среды и провозгласивши милосердие к согрешившему, ставит,

однако же, нравственным долгом человеку борьбу со средой, ставит предел тому, где среда кончается, а долг начинается».

А у Вампилова? В очерке о родном поселке «Прогулки по Кутулику» он писал:

«Ведь среда — это мы сами. Мы, взятые все вместе. А если так, то разве не среда каждый из нас в отдельности? Да, выходит, среда — это то, как каждый из нас работает, ест, пьет, что каждый из нас любит и чего не любит, во что верит и чему не верит, и, значит, каждый может спросить самого себя со всей строгостью: что в моей жизни, в моих мыслях, в моих поступках есть такого, что дурно отражается на других людях?»

Спросить, ответить на этот вопрос, а потом жить по-новому? Как просто! Как легко на словах и как нелегко на деле.

Да, задать себе такой вопрос — не шутка, ответить на него труднее, потому что в этом случае уже надо понимать, что хорошо и что плохо. Но какая сила нужна, чтобы от ответов и вопросов перейти к действию. Какая для этого нужна совесть, какая вера в лучшее, какое чувство справедливости, словом, сколько для этого нужно всего того, что называем мы духовным богатством человека!»

Это прямое высказывание. А пьесы, в которых герои радуются, мучаются, любят и ненавидят, как в жизни, — понимают ли они смысл вопросов, заданных писателем, и согласны ли с выводами его, так тяжело дающимися и чистой, и грешной душе? В самом деле, чтобы перейти к действию, то есть осознать, что и ты — часть среды и нужно жить по совести и поступать не дурно, а праведно, — как прийти к этому Колесову и Сильве, Шаманову и Пашке, Анчугину и Зилону? Все ли они смогут совершить такой духовный подвиг? Не все, конечно. Значит, и трагедии в жизни останутся, значит, и душа человеческая пребудет и дальше заложницей тьмы. Но не прислушаются ли современники и потомки к слову писателя, которое, если взять корифеев литературы, приближается к пастырскому, к душестроительному?

Достоевский и Толстой всегда притягивали Александра Вампилова — свидетельство тому знавшие драматурга оставили немало. Достоевский завораживал глубиной пос-

В сентябре каждого учебного года студенты Иркутского университета работали на полях Аларского, родного для Александра, района области. Здесь Вампилов и сфотографировался.

тижения человеческой души, неожиданными, часто трудно объяснимыми поворотами в поведении героев, властным, в немалой степени трагическим вторжением непредвиденных обстоятельств и случайностей в человеческую жизнь. Яснополянский мудрец был близок неустанным поиском добра и света в земном бытии, тем воскресением для праведности, которое, по убеждению Толстого, было доступно каждому человеку, и падшему, и вскормившему свою гордыню. Это капитальное качество Вампилова-художника пока не раскрыто его многочисленными толкователями, озабоченными порою лишь тем, как бы найти еще одно внешнее совпадение в текстах пьес драматурга и сочинений его великих предшественников.

Между тем, поставьте в ряд вампиловских героев — не удивит ли вас разнообразие типов и характеров, выхваченных драматургом из жизни, непохожих друг на друга, уз-

наваемых, кажется, только что виденных нами? Не так же ли трагически падают они в черный омут бытия, яростно сопротивляясь искушениям и соблазнам, страдают, надеются, возрождаются для достойной жизни? А ведь эта родственность их жизненных поисков, обретений и неудач есть особенность произведений одной художественной высоты, необычного творческого дара. В пьесах Вампилова сосуществуют рядом, отталкиваясь друг от друга и все же вынужденно терпя это присутствие — все, как в жизни! — такие разные люди, как Колесов и Золотуев, Нина и Макарская, Шаманов и Пашка. Точно так же, как в сочинениях классика Фома Опискин и Егор Ростанев, Свидригайлов и Раскольников, Смердяков и Алеша Карамазов. Да, сама жизнь, во всем разнообразии ее лиц и судеб, шагнула на сцену вампиловского театра, и это явление ее перед зрителем стало таким же правдивым, запоминающимся, по-

учительным, как и на страницах Достоевского и Толстого. Не мелкое правдоподобие, не бытовой натурализм, а жизнь с ее фантастическим своеволием, духовными уроками, очищающими страданиями стала предметом драматургии Вампилова, и это как раз и роднит ее с творчеством Пушкина, Достоевского, Толстого, Чехова. Имя писателя из Сибири звучит совсем не чуждо рядом с названными прославленными именами.

Писатель жесткий и справедливый, насмешливый и добрый, сдержанный и поэтический, хмурый и улыбчивый, он достоин многих определений, иногда полярных по смыслу, и достоин потому, что он правдивый и достоверный, а жизнь, как известно, совмещает контрастные краски. Он всегда шел за жизнью, но смотрел на нее как философ и поэт, безошибочно угадывая ее божественную сущность и красоту.

* * *

Одно «театральное» отступление. В 1888 году К.С. Станиславский — тогда актер и начинающий режиссер — решил поставить в Обществе искусства и литературы спектакль по повести Достоевского «Село Степанчи-

ково и его обитатели». Он сам сделал инсценировку (с разрешения вдовы писателя Анны Григорьевны) и направил текст в цензуру. В этом же году Станиславский поставил комедию Льва Толстого «Плоды просвещения». Выбор произведений двух великих русских писателей для Константина Сергеевича был неслучаен: в том и другом ставились нравственные проблемы одной высоты, одного бессмертного содержания. Что делает жизнь праведной, отвечающей замыслу Создателя? Что может укрепить ее устои, сделать человеческое существование оправданным и значительным? Что уравнивает его на земле с будущим небесным предназначением? Только любовь к ближнему, только добро, только справедливость и братская отзывчивость. Не это ли главная толстовская мысль в романах «Война и мир», «Воскресение», в многочисленных повестях и рассказах, в той же пьесе «Плоды просвещения»? А у Достоевского? Полковник Егор Ильич Ростанев, владелец поместья, где вместе со многими приживальщиками обрел приют и лукавый демагог Фома Опискин, — какой образ человека чистого среди житейской грязи, наивного до старости, доброго без вся-

Вместе с однокурсниками на берегу Байкала (в поселке Листвянка) летом 1958 года. Второй справа — А. Вампилов, первый справа — автор очерка. В этих местах через четырнадцать лет Александр Вампилов погибнет.

На премьерe спектакля «Старший сын» в Иркутском драматическом театре им. Н. Охлопкова (19 ноября 1969).
Режиссер спектакля В. Симановский (на снимке слева) приглашает стеснительного автора выйти на сцену для поклона.

кого предела, великодушного всегда, когда нужно помочь сирому, явил нам из гущи бытия зоркий писатель!

В том 1888 году цензура не пропустила инсценировку, но по прошествии двух лет Станиславскому все же удалось добиться разрешения и поставить спектакль. К сочинениям Толстого и Достоевского и раньше обращались театры России и зарубежных стран, но после Станиславского русская сцена стала немислимой без произведений этих классиков мировой литературы.

Теперь уже без всяких натяжек можно утверждать, что во второй половине прошлого века именно Александр Вампилов с той же художественной мощью продолжил названную линию. Успевший за свою короткую жизнь написать немного драматических произведений, он привлек к себе пристальное внимание режиссеров театра и кино.

Поставлены фильмы «Прощание в июне», «Старший сын», «Отпуск в сентябре», «История с метранпажем», «Валентина», «Несравненный Наконечников», «Двадцать минут с ангелом», «Провинциальный анекдот», спектакли в театрах России и мира не только по всем вампиловским пьесам, но и по рассказам. Герои его произведений стали в один ряд с персонажами классических шедевров. Его чудесный Сарафанов — духовный брат Егора Ростанева и князя Мышкина, отца Сергея и Ивана Ильича. Точно так же его Зилов «унаследовал» душевные изъяны ущербных героев Толстого и Достоевского. Да и любой другой персонаж Вампилова: Золотуев и Репников, Кушак и Калошин, Камаев и Пашка — все они имеют «братьев по духу», конечно, не двойников, но явных родственников среди классических героев. Великая миссия литературы — показать сов-

ременнику, в чем человек велик, а в чем мерзок, и что может привести его к духовному очищению, — была для Вампилова близка и дорога с первых его рассказов. Она только все более и более глубинно открывалась ему, наполняла художественной страстью, сильнее волновала душу.

Посмотрите, как в его пьесах торжествует любовь и как она, хрупкая, но несокрушимая, обжигает, заставляет очерствевших людей пересмотреть свою жизнь. В драме «Прошлым летом в Чулимске» первая, робкая любовь юной Валентины безжалостно растоптана. И не только грубым и хищным Пашкой, воспользовавшимся душевной сумятицей ее девушки, но, по сути, всем окружением ее, нечутким, заспаным, пришибленным.

Обещенная Валентина дает урок не своим несчастьем, не «позором», а устоявшей после жестокого насилия душой, ее немеркнувшим светом. Будет ли она счастлива в жизни? Бог весть. Пока о ней можно сказать определенно одно: она изменила судьбу каждого героя пьесы. Шаманову отныне стыдно оставаться трусом. Пашка убедился, что насилие над другим человеком опасно прежде всего для самого насильника. Это он обещен, выставлен у позорного столба. Кашкина поняла умом зрелой, хоть и недалекой женщины, что мелкая душа не найдет тепла у другой души. Помигалов увидел воочию, что дочь никогда не будет жить по его замшелым правилам, что ее характер благородней, выше, чем у него, бывшего человека. Хороших окончательно убедились, что сын ее Пашка не достоин мизинца этой девушки, а Дергачев, отчим насильника, ясней осознал несчастье своей распадающейся семьи. Еремеев удостоверялся в том, что понял уже в первый день, как вышел из тайги в поселок: здесь, в Чулимске, самый родной ему не по крови, а по душе человек — это Валентина. Ну вот и решайте теперь: правда ли то, что любовь Валентины, тайная, робкая, почти детская, произвела переворот в чувствах и мыслях людей, преобразила жизнь вокруг? И не встала ли эта героиня рядом с Татьяной Лариной, Асей, Наташей Ростовою, Грушенькой, Ак-

синьей Астаховой, другими светлыми героинями русской классики?

В «Старшем сыне» после злобного выкрика Сильвы в сторону Сарафанова, что Бусыгин вовсе не сын его, старый музыкант обмирает: «Что такое?.. Что это значит?» Бусыгин подтверждает: «Я вам не сын. Я обманул вас вчера». Вся последующая сцена — это возгласы Сарафанова, не верящего неожиданному признанию, ошарашенного, потрясенного, почти смертельно раненого: «Это невозможно... Не верю. Быть этого не может!» «Значит, ты мне... Выходит, я тебе... Как же так?.. Да нет, я не верю! Скажи, что ты мой сын!.. Ну! Сын, ведь это правда? Сын?!» И когда Бусыгин простодушно признается: «Откровенно говоря, я и сам уже не верю, что я вам не сын», — Сарафанов твердо, как заклинание, втолковывает домочадцам, да и всему миру: «Не верю! Не понимаю! Знать этого не хочу! Ты — настоящий Сарафанов! Мой сын! И притом любимый сын!»

И далее — великий монолог, «голос слышше», настаивающий нас, неразумных, не усвоивших Божье указание, забывших, что все мы на земле — братья:

«**Сарафанов.** То, что случилось — все это ничего не меняет. Володя, подойди сюда.

Бусыгин подходит. Он, Нина, Васенька, Сарафанов — все рядом. Макарская в стороне.

Что бы там ни было, а я считаю тебя своим сыном. (*Всем троим.*) Вы мои дети, потому что я люблю вас. Плох я или хорош, но я вас люблю, а это самое главное...»

«Где ты живешь?», — спрашивает обретенного «сына» музыкант. — «В общежитии». — «В общежитии... Но ведь это далеко... и неуютно. И вообще, терпеть не могу общежитий... Это я к тому, что... Если бы ты согласился... словом, живи у нас». — «Нет, что вы...» — «Предлагаю от чистого сердца... Нина! Чего же ты молчишь? Пригласи его, уговори». И в конце — твердо: «Володя, я за то, чтобы ты у нас жил — и никаких».

Вероятно, так и будет. Во всяком случае, последние слова Бусыгина окрашены радостью: «Ну вот. Поздравьте меня. Я опоздал на электричку».

Андрей РУМЯНЦЕВ